

Анатолий
Маковский

Челюдан

Анатолий Маковский

ЧЕМОДАН

Москва
Культурный слой
2006

Анатолий Маковский

Чемодан

(Стихи из утраченного чемодана). — М. 2006. — 60 с.

Поэт Анатолий Маковский родился в 1933 г. Во время войны оказался в Германии, после войны — в детдоме под Иркутском. Служил в армии, учился на мехмате МГУ, работал в Новосибирске. С 1992 г. после смерти матери жил в Киеве, откуда наезжал в Москву. В августе 1995 г. в последний раз уехал в Киев...

В Москве 60-х примыкал к кругу Леонида Иоффе — Евгения Сабурова. В Новосибирске с 1966 принимал активное участие в неофициальной литературной жизни.

Ему многим обязаны Иван Овчинников и Александр Денисенко. Его высоко ценил Евгений Харитонов.

Первая книга вышла в Новосибирске в 1992 г.

Эта небольшая книжка представляет позднее творчество выдающегося русского поэта.

Подготовка текста и комментарии И.Ахметьева

Оформление О.Ахметьевой

ISBN 5-98583-006-3

- © А.В. Маковский, наследники
- © В.И. Орлов, издатель
- © И.А. Ахметьев, комментарии
- © О.И. Ахметьева, оформление

* * *

Обокрали меня, извините!
Начинаю новую жизнь...
И спасибо брянской милиции,
Что оставила маленько на жизнь.

Ничего, доживу, успокоюсь.
Напишу чемодан стихов.
И когда-нибудь сяду на поезд,
Под вестминстер вокзальных часов.

Или — нет, поезда — для белых.
Черепановы — вы за кого?
Фарадей электричку сделал.
Поросенка бы заколол.

Обокрали меня, извините!
Нет, я сам виноват — подпил...
И оставил чемодан, стихи — излишество, —
Как оставил Буратино Шекспир.

И теперь все — при интересах:
То, что я написал — прожил.
Ну, а вам — обычная пресса,
Вам евреи нужны, париж.

ТОВАРИЩ СТАЛИН (пародия)

Товарищ Сталин, Вы — большой ученый!
Немного прав простой с гитарой зэк.
А я — всю жизнь мечтал бы о девчонках,
Но чей-то мне попался Ваш конспект...

А — результат? На старости — осмыслю.
Недавно увели тот чемодан,
Который значил больше жизни.
Но жаль электробритву и подарок.

Племяннице — набор из мельхиора,
Ножи и вилки... Все равно — не жрать...
Прости, прости! Увидимся не скоро.
Но нужно ждать, как Симонов и Дант.

Как вы просты, советские поэты!
И будет время, люди вас поймут.
Но зря я чемодан эпохи этой —
Оставил, он тяжелый, как утюг.

А Сталин, ты по-моему — Ученый!
И пятикратно вроде сам был Зэк.
Спасибо хоть за правду у чиновников,
Не то что с'час — дерут как на козе.

А кто в политику сам влез, без разрешения,
Тот — на себя брал, знал, на что идет.
Народ сидел — когда шары залиты,
Иль — соблазнится, что-то украдет.

ИЗ ВОЛОДИМИРА ГАПТАРА (вольный перевод с украинского)

Еще Европа спит и смотрит телевизор,
Цветной многоканальный сон,
Где на экранах — дым войны засох
И бардаки Гон-Конга и Парижа.

Катился дед, укутанный в возок.
Туманы дальни улицу пытали:
Что там вдали? Рекламы — лишь мигали.
Какой-то банк всё звал за горизонт.

И как маяк, мигает вдалеке
Одномоторный красный звук, рокочет.
Не спит Европа, телевизор рококо выключив.
И в урну углубился улугбек.

* * *

Киев, Киев — город каштанов!
Я вчера по тебе шатался...
В общем — Гоголя вспоминал
Под сиреневый куст вспенен.

Хорошо бы все было, Киев,
Если бы не дела такие,
Что какой-то новый Мазепа —
От Руси отринул нелепо...

Не летят уже дирижабли.
Басурманы — тебя ограбили.
И ворчит старый Днепр, роя мель,
Проводив русалок в Америку.

* * *

Умерла моя бедная мама.
Прилетела уже родня.
Героиня моих романов —
Охраняет от них меня.

Это — очень хорошие люди:
Так и пышет — дворянский род...
Но подъезд — меня, вроде, любит —
Трудовой хохляцкий народ!

Но я — думаю о картинах
И пытаюсь понять их смысл.
Ходят призраки по квартире
И голландскую крупу грызет мышь.

4 сентября 1992 года

НА СМЕРТЬ ПЕТРА СТЕПАНОВА

*21 сентября 91 года, через месяц после ГКЧП не стало
Петра Степанова, крупнейшего сибирского поэта моей эпохи.*

Умер — Петька... Не с кем больше спорить.
Два дня — не был. Впрочем, все равно.
Нынче — осень. Голод, может, скоро.
Очень дорого дешевое вино.

С коммунизмом — все у нас исчезло
И ушли мы в пред-Октябрьский мрак.
Может — впрямь он нашей прозы цезарь,
Как любой ханыга и дурак.

Он — за Ельцина... ходить к нему я бросил.
Демократы — самые враги.
Золотая, пушкинская осень —
Отдохнуть Толстому — помоги.

Здесь, на кладбище — летают самолеты,
Может, волк придет к тебе зимой.
Да и я припрусь с самосадам
Из читаленки иль из пивной.

Мы придем — с блатною зэчкой Танькой.
Она — дура, но хочет писать.
И не будем больше Мандельштама
Или Солженицына читать.

КОМПОЗИТОР ШЕРСТНЕВ

Снова был на хате инвалида.
Выпили. Он взял аккордеон
И сыграл. примерно, как Феллини
В ненародном фильме Амаркорд.

Я сидел и вспоминал те годы,
Что была хрущевскою Москва.
И старик — ходил за мной, как — Моцарт.
По студенткам все его таскал.

О, как пел рояль в военных пальцах!
Гайден, Бах, Шопен, Бетховен, Лист, —
Если вы — в раю сейчас скитаетесь,
Скоро к вам — прикатит Инвалид.

Кто-то подарит ему коляску
И архангел — тормознет педаль.
Что ж — целуйте, гурии, колеса,
Раз Господь к блаженным не педант.

А на этом мире неудачном, —
Или он — чистилище и — ад? —
Поиграть как следует не дали...
И — не надо, ярославский Бах!

Вышли с тем, кто взял ему бутылку:
Чем умнее, тем я более хмырь.
А на память — бросили ботинки,
Что Ван-Гог не вынес из тюрьмы.

КАПУСТА

Агрегат на хорошей рассаде
В синем поле, как пароход.
На борту его — сидят корсары,
С ними — девушка из райкома.

И глядят купцы из колхоза,
Как работают их рабы.
А на лицах рабов — угроза,
Комсомолку хотят убить.

И зачем я завербовался?
И теперь неудобно бежать.
Эту девушку в темпе вальса
Если грохнут, то будет жаль.

Если грохнут, да если трахнут...
Я — Есенин, их — двадцать шесть.
В синем поле краснеет трактор
И — капустных ростков нашествие.

КАРТОШКА

Снова Сокура помню вагоны
И малину в ихнем саду.
Я тогда был в Ольгу влюбленный
И в одну из соседних дур.

И в кого я тогда не влюблялся?
Привилегия старика.
И на ихней печке валяешься,
Без шабашки живешь пока.

Без шабашки жизнь бесшабашна,
Пока Танька в тюрьме сидит.
И бывало, что было страшно:
Вдруг — не выдержит, господи!

Не сердись, их бог, я — для рифмы,
Ты же знаешь: своих — полно.
Мои боги, как иероглифы,
Каждый сил природы синоним.

Есть такие, что и понятия
Математики иль стиха.
И богини еще приятней
Тех соблазнов издалека.

Только вот — богиню картошки
Я теперь вам не назову.
Этот образ серый, хороший,
Дребезжит под дрезины гул.

Я когда-нибудь напьюсь в дрезину,
Если Танька в Сокур придет.
И цыган Робинзона картиной
Под картошку нам песнь споет.

СТАЛИН

Первый раз я задумался в жизни:
С ним ли быть, или — против, как?
Иль — с народом старорежимным,
Или — в новых меньшевиках.

И, возможно, на баррикадах,
Тунеядец — убьет меня.
Но он все-таки Бонапарт был,
Хоть и в стареньком ходил БУ.

Назовет — эпохой Ампира
Летописец — Империю Зла.
Ах, как лихо гуляли и пили
Превратившие рейхстаг — в вокзал!

Оградившие Русь от — Запада,
Где морали давно закат.
Развращают нас — кинозалы,
Голливуда десант за кадром.

И, возможно — равнодушие —
От потока поганых книг,
Что нахлынули вместо продуктов,
Тех, которые снижал старик.

Что — еще? Гениальный философ.
Но поймет это, пожалуй, — лишь тот,
Кто оценит античную бронзу,
Революции краткий том.

А теперь — его обвиняют,
Что он — новый был Чингис-Хан...
У народа — нюх, обоняние,
Хоть — подальше Портрет запихал.

* * *

Я как Пушкин — смотрю телевизор.
От березы печка хрустит.
Пусть они — ругают правительство,
Буду семечки шелушить.

Но душа болит — о Багдаде:
Город Сказок — буржуй бомбит.
Вот, наполню водой бадью большую,
К военному надо сходить.

Военком — поставит бутылку,
Скажет: — Чо пришел, офицер?
И — посадит меня в бутылку,
Изменившись в потном лице.

И скучать будут только — куры,
Пропоеет печально петух.
Да сплутавшийся ветер с курса —
Отряхнет снег от яблонь двух.

ЛЕРМОНТОВ

Схоронили Лермонтова бабы.
И еще дымилася гора,
Где вчера какой-то выстрел бахнул.
Ну, Мартынов — в путь тебе пора.

Ты ведь тоже попадешь в бессмертье,
Как Грушницкий — в серую шинель.
Схоронили бабы офицера
И дежурный поп его отпел.

А потом дежурный поп — напился,
Хоть не все в стихах он понимал.
И пошли по всей империи — письма,
Их возил на почту пономарь.

Что погиб, кто — так любил красавиц,
Ненависть — лишь орден для любви.
Шизофреник, баловень казармы —
Ты почто Мартынова убил?

ИНДОНЕЗИЯ

По рассказу писателя Валерия Перфильева

Расстреляли собрание в Джакарте,
Но бежал один коммунист.
И укрылся в Центральном Парке
Среди сосен и райских птиц.

Поздно вечером, с красной раной —
Постучался в один особняк,
Где когда-то друг его пьяный
Танцовщицу одну отнял.

Он теперь уж — социалистом,
Их преследуют меньше все ж.
А она — перешла к министру,
Этих девушек не поймешь.

И — рычали спросонья тигры.
И — полуночный мат обезьян.
И — открыл мусульманин хитрый,
И — сказал, что друга нельзя.

И когда он упал на ворота,
Дождая своих палачей,
То из самого длинного форда
Вышла с лилией на плече.

И тотчас — дымятся кальяны,
И — как гусь лежит крокодил.
Декламирует друг его пьяный
«Путешествие вдоль Кордильер».

Но она, по-славянски грустно,
Будто дарит ее Чингис-Хан,
Предложила себя в игрушки...
И — заплакал свое фонтан.

Уж зовет дружок — янычаров,
Полумесяцем их конвой.
Птица свадебная, Верещагин.
И мяучит над головой.

И глядит из окна — Парламент,
Азиатам не привыкать.
Пьяный друг на басах параллельных
Подбирает увертюру Майн Кампф.

КОСТРОМА

Юлии Скородумовой

Я помню, как в Костроме
Девушка на микропорах
Читала стихи, как — комета
Лермонтову, который...

Короче, стихи — прекрасные
И присно памятен мне
Бесенок тот в платье красном
Летающий, как ангел в огне.

КИЕВСКИЙ ВОКЗАЛ

О, Киевский вокзал с обычными часами
Дворянских городов.
Ты мне предложил зла экзамен
И я — готов.

Я потерял, твоей езда дорогой,
То, что писалось тридцать лет.
В Сибири ждут на огороде,
Но ей, как панночке, лишь снится хлеб.

Но не Андрей я, только лишь — предатель.
Но, что предать и что продать?
А мой попутчик и приятель,
Ты — не Вергилий и не Дант.

Ты — просто с-тянул чемодан,
У нищего украл портянку.
Я пожалел тебя и дал
Как брату гения, на пьянку.

Ах, лучше я б обнял японку!
Куда дешевле бы пришлось.
Хотя теперь я чист, небось,
Пустой карман с душой баяна.

КУРСКИЙ ВОКЗАЛ

Я люблю этот Курский вокзал,
Потому что там рядом Музей.
И китайский изысканный зал
Мне являет буддийских друзей.

И цветной узбекский ковер,
В нем — картинки из Шах-Намэ.
Если был бы я Багдадский Вор,
Улететь бы на нем сумел.

И иные там есть чудеса,
Например — кашмирова шаль.
И китайская опять же лиса
Заколдует мою печаль.

А теперь столица — не та.
Да и сам я теперь — не тот.
В урны, если пришла темнота,
За бутылкой лезешь пустой.

Что поделаешь, беднота
Основное богатство мое.
А музей, кстати — тоже не там.
И не школьники, а послы ходят в нем.

ПЛОЩАДЬ ТРЕХ ВОКЗАЛОВ

На последние деньги — билет до Кремля!
Поклонюсь сразу — трем соборам.
Закурить бы надо, выручай, земляк,
На свободе я, на свободе!

Я — бездельничал, или чо-то открыл —
Выручай меня, Мефистоффель!
И пойдешь доказывать этим рылам...
Корифан, как ты думаешь — стоит?

Ты мне якорь не тычь, еще помню маршрут!
Где у вас — Воробьевы Горы?
Но не дай бог, водки опять нажрусь,
И тогда — в тумане погоны.

И — прощай тогда Ярославский Вокзал,
Ярославский вокзал, колокольный...
Да и площадь какая: базар—вокзал.
А в метро говорят — комсомольская.

А по леву руку — Ленинградский Вокзал.
Ленинградский вокзал, он — на Питер!
Я пробрался было спать в депутатский зал —
Не пустил меня один пидер.

А по праву руку — Казанский Вокзал,
За границу оттуда не едут...
У московских татарок такие глаза!
Хоть валютою, хоть валетом.

На чужие деньги — билет от Кремля.
Да и как распростишься с другом?
Молодец, Галлилей, — не стоит земля,
А плывет под ногами, дура!

Или кто это там сказал, Колумб?
Только что он знал о Сибири?
Что вернулся Колчак, что с ним пьет Кучум?
Землячок, кочумай... спасибо.

САВЕЛОВСКИЙ ВОКЗАЛ

Выручай! я — влюбился в шаманку!
Даже чувствую сзади сосну.
И одно лишь спасение, Маша,
От тебя в Вечный Город, в Москву.

Там я буду ходить потерянным
И глядя в равнодушие лиц —
О натоленном думать тереме
И за оборотней молиться.

Впрочем — бог наш довольно веселый,
Он — устроит тебе и мне.
И когда-нибудь на Савеловском,
К Черной бабе придет коней.

* * *

Андрею Куликову

Когда мы вышли из поезда,
Туман с похмелья, туман,
Стоял на Вок-Зале и — после,
Кто — нашу Сибирь понимал.

Не сел он с нами в Авто-Бус
И шла без него Кострома.
Но наш поэтический опыт —
Казался мне — кипой бумаг.

Потом — Сибири рассолы,
Любаши зелень в глазах.
Мистическое его соло
Не слышат ни волк, ни — Запад.

А все-таки, самое главное,
Где Волгу целует Собор, —
Что рядом — чердак двуглавый
И Нансена в нем огонь.

Прошло все меж тем и прочим.
Не вспомнить уж, что тогда
Ранеточной, зимней ночью
Нам — домового гадал.

Друг — ставил пластинку Грига,
Стихи сам писал, как Григ...
Начнут меня печатать в Париже, —
Напьюсь, начну материть, —

Что этот, свой в доску Рильке,
На наши фасады-дворцы, —
Глядит из-за станции рыжей
С улыбкой, как блудный сын.

О, где же найти мне время,
Чтоб яблоки описать, —
Что — слушали снега свирели
И — черновик саламандр?

* * *

Спасай меня, Таня Смурова!
Вот я на колени встал...
Напали на Русь — басурманы
И маюсь я хуже Христа.

Он, все-таки, вроде, был богом,
А я рядовой человек.
И внучка моя, секс-бомба —
Не очень-то внучка мне.

Ну, ладно, ты все понимаешь,
Где вру я, а где — не вру.
Короче, ты — занимаешь
И я по дороге умру.

И вижу уже — разрывы
И смерть с кривой саблей бежит.
И солнце сквозь лес розовеет
На огороде чужом.

Там внучка, с лица утирая,
С друзьями маленько хлебнет.
Певец на гитаре разной
Аккорды к траве подберет.

КРЫМ

Крым — жемчужина Советского Союза
И курорты там — ништяк, я сам пытался
Неужели — демократам — остаются?
Надо в этом деле — разобраться!

Что такое — Крым Бахчисарая?
С Петьюкою — ходили мы по Крыму
И у бочки с пивом на базаре
Юбилей сбылся по крайней мере

Мой отец, еврей он, или — отчим?
Мать любил, меня считал придатком
Принял он нас вежливо, короче,
Но насмешка — тоже не подарок

Но зато — поели винограда
На полях технический, осенних.
После Крыма — потерял я хату.
Что-то там схимичили соседи.

И теперь — живу среди туземцев
Их обычаи перенимаю...
Как прекрасно — отдохнуть на Севере:
Пять минут покуришь и — нормально.

Если Крым хотят наци-налисты —
Выделить, как и в других районах.
Только — ровно столько, сколько есть их!
Не мешать чтоб загорать народу.

И — готовить сразу оборону!
Чтобы как с Чечней — не получилось.
Жаль, что с мамонтами в «Оперу Природы» —
С Севера ледник — не дотащился...

ВЛАДИМИРУ ТУЧКОВУ

*Журналист и поэт Владимир Тучков —
написал прекрасную статью обо мне в «Вечернем Клубе» за 14.01.95.
Отблагодарит ли его — мой скромный стих?*

Голубоглазый боцман!
И — добрый писать статьи...
А проза? Жизни бы больше:
Нам ложь уж — осатанела.

Но раз — у него получилось:
Филолог на даче жил.
И с зэкoм одним подружился,
Хотел у него с-переть язык.

А зэк — ничего, он был хитрый,
Свое отсидевший старик.
И вечером, через пол-литру
Придумывал слова свои.

Филолог совсем уж докторскую
Написал, да записал так
Что от курева — вспыхнули доски
А затем — полыхнул чердак.

Каким-то чудом он выбрался.
Но погибли ханыга и труд.
И теперь, без бумаг, он, выцветший,
Все в пивной сидит поутру.

Он сидит и что-то бормочет
И уборщица — не поймет:
— Идиома — ли вымолвить хочет,
Или... но за ним подметет.

Может, так-то оно и лучше:
Будет память по другу — язык.
И приходит ночью послушать
Домовым теперь ставший зэк.

МОСКВА

*Алексею Паховому,
поэту, читавшему однажды —
лучше меня.*

Все хотят, чтоб я верил в бога!
Извини меня, милый брат,
Что глядишь ты из облака строго,
Когда в чем-то я виноват.

Но сегодня я — не виновен,
Потому что еще с утра —
Я иду без единого слова,
А навстречу — Солнце как раз.

Ух, какое египетски-желтое,
Неужели я фараон?
Колесница твоя тяжелая
Сквозь евреев, как — Арафат.

Но упало с воза что-то важное
Этой ночью... Дай сообразить:
Подавала девушка вежливо
И духи и другой реквизит.

Отчего ж мы так глупо пили?
Деликатность требует так.
И не он — меня бы убили,
Что потом — потомкам читать?

А сегодня — великое утро!
Колокольни стоят как раз.
И пора перебраться на хутор —
Робинзона картошку красть.

Виноват... а пока — не виновен:
Гулливера морда с утра

Ковыляет по улице Нотной,
Где любимая жила и — храм.

Хорошо, когда ты — не гордый,
И идешь к вокзалу с утра!
А по улице, меж домов игорных,
Взмает солнца воздушный шар.

И в расплавленном его золоте
Ты и сам вроде — легионер.
И барокко домов тяжелых, —
Декорация, каменный век!

А вчера здесь неон — расплескался;
Он — банкирам теперь шестерит.
Как пошел ко дну после Августа
Пролетарский наш материк.

Чтобы новою Атлантидой
До поры рабов волновать.
Жаль — музеев я мало видел,
Где глядят Учителя два.

А по этим шлялся по пышным,
Где идея — баба, вино.
Или — ваза с цветущей вишней,
Где сидит дурак в кимоно.

Или — рыцарь, что делает подвиг.
Иль — абстрактное полотно.
Но оно вспоминается после,
Как в милиции — Парфенон.

Что поделаешь? Друг мой — верит.
Хотя мудр, чтоб не чувствовать фальшь.
И — не он, из меня бы с вермутом —
Сотворили с меня бы фарш.

Я оставил там что-то важное,
Кроме денег... Дай сообразить

То ли девушки взгляд фуражный,
То ль — надежду на поезд в Сибирь.

Но — они, что они, без меня там?
Снова — мамонтам, или — как?
И, как Хлебников, — разминаюсь
По лжедмитрия городам.

А сегодня мой взгляд невинный,
Потому что, как гейзер — махра,
Я иду по улице милой,
Где навстречу — солнце как раз.

Вот, кропаю стихи на дорогу,
Вечный Двигатель застопорив.
Запущу ль его на огороде,
Иль — показывать за сто грамм?

Или, взяв себя в руки — отвлекусь,
По-украински начать писать.
И, начав с нуля, было б лестно,
Как Мазепа — шедевр создать.

ПАСХА

Значит, в церковь иду сегодня,
Когда в церкви — нет никого.
Солнце яркое — света синоним
И — поленовский каждый двор.

Я сегодня с Москвой прощаюсь.
Я давно ее не люблю.
Как на поезд послал печаль свою
Мне звонит лишь один ублюдок.

Впрочем, зря. Он — поэт хороший,
Хоть считается мастеровой.
Разве будешь с такою рожей
Не Есенин, а металла маэстро?

И, не он, я — подход бы,
Иль от голода, или — так.
И у церкви стою я долго
У икон Фомы и Христа.

Ах, какая красивая живопись!
А в музеях — такая чушь.
Но мне нравится мир животных,
А иконы смотреть не хочу.

Но — пусть будут. Как — отраженье:
Это наш православный миф.
А трава — вступила в сраженье
Тянут гусеницу муравьи.

* * *

На Охотном — схожу неохотно.
Больше — некуда выходить.
Там — моряк один живет пехотный
И яга-баба за ним глядит.

Но ко мне — ничего относились.
Правда раз — с культурой зашел,
И лицо ее — перекопилось...
Я тележку попер, как осел.

Дождь пошел, прострелил мне спину,
А мне — в Киев, затем — в Сибирь.
Голодует там Таня, по-видимому,
Я ей мамы везу серебро.

Мельхиор, правда... Пускай — дешевый.
Может быть — продержимся мы.
Разорили враги державу
И богатая пища уму.

И в пути я совсем загнулся
На вокзалах валялся всех
С чемоданами полз, как гусеница.
Выручала немного тележка.

И сочувствовали мне люди
А особенно — один старик
Я не знал, что он выпить любит
Как барашек тележка стоит

Помню кадр только: вроде, цыгане,
Или — кто-то... не знаю кто.
И двенадцать зеленых поганых,
Что копил, развернул, как игрок.

В вырезвителе — все еще думал,
Что вернут тележку, вернут...
Металлический, последний друг мой,
Будем помнить ее в раю!

Пережил... С Танею — созвонился...
Может — друг один в Сибири спасет...
Ты, Москва, будешь духом нищей
Пусть в сирени Брянск доцветет.

* * *

Ивану Ахметьеву

Не пьем мы дружную толпою,
Как раньше в молодые годы.
Теперь и я — политикан.
Но — не министр: уж — нет миледи.

Товарищ мой, он пишет так:
Не передать... он — не бормочет,
Не завывает, как дурак,
А тихо говорит, что хочет.

Но он — не хочет ничего!
Лишь на действительность намеки.
Так, например, сегодня он
Явил из запятых — Микены.

Из многоточий создал храм,
Дорический, прямой, чуть белый
И размышляет по утрам
О кифаристке неумелой.

(НОВЫЕ РУССКИЕ)

На похмелии потчую ЗЭКа.
Благородный, как все из тюрьмы.
Что народ умен — козе понятно,
И история — лишь трюмо.

И пора уже диссидентов
На коленях благодарить:
За границей пока есть деньги
И униженно здесь курить.

Хорошо обо мне «сливкам народа»
Написал добряк Володя Тучков.
Может быть — прочитает Мавроди
И займет на пиво, тачанку.

И тогда мы по Украине,
Как учил сквозь бурьяны Щорс.
Но не нужно нам третьего Рима,
Полководца шаманский шатер.

Коммунизм это — Евразия.
Это понял еще дурак Соловьев.
В этом смысле - прощаюсь с евреями
Сразу тольк, как в Сибирь свалю.

Там исполним завет Ломоносова.
Испугал он немку-княжну.
Но мы здесь историю сломим,
Краткий Курс — афоризма кинжал.

И спасибо одному Вию —
Спас он во-время своего врага.
Помолюсь, коль на храм я выйду,
Атеист я, но честь дорога.

Коммунизм это — Евразия,
О, облупленная Москва!
Пусть из урны — доллар — вылезит,
Новых русских суля маскарад.

Лучше старые все ж евреи,
И Союз мы не отдадим.
Хоть случаются попы безвредные, —
Самовар шишковый кадит.

Коммунизм, короче, — Евразия.
О, обшарпанная Москва!
Пусть из урны доллары лезят,
Их с едой увозит КАМАЗ

Голодал я и при Советах,
Хоть всегда было еды полно.
Раз прохлопал я 70 лет их, —
Помириться что-ль с русскими новыми.

Новые русские в шинелях поповских, —
Пусть смеется над вами народ!
Маяковский, Есенин, Высоцкий —
Не дожили до ваших морд.

Даже — гений переходной эпохи —
Асмолов, и то — замолчал...
Неужели — дела ваши плохи
И уж лают в Сибири овчарки?

А пока, если масть идет — выпьем!
Вы умели за наших потеть.
Да и я — не из партии вышел,
Недостойн их и теперь.

ПЕРВОЕ МАЯ 95 Г.

Единственный был я — в шапке,
В кармане — с бутылкой пустой.
Цена за нее — небольшая,
Какую-то часть булки стоит.

На площади — ветер, дождливо,
Но — красные флаги у Театра.
Товарищ Ампилов, скажите
Хоть — Вы, чего люди хотят!

Понравился мне — воркутинец:
«Мы — Ельцина снимем назад!»
Шахтерам он — не гостинец,
Что толку нам — уголь на Запад?

И очень толков был — болгарин:
«Нам — нужен Советский Союз!
С Зюгановым — хватит ругаться:
Враги в барышах остаются!»

И Терехов, вождь Офицеров,
Коротко и внятно сказал:
«Войны — не хотим! Но, целятся
Они раз, нам — мазать нельзя!»

И вышла девчонка в защитном:
«Что смотрите? Рядом — фашизм!
И если смиряешься с Гитлером —
Какой же ты — коммунист?»

И хватит болтать об абстрактном,
Кто дела хочет — за мной!»
И дюжина вышла бесстрашных
К тритонам с серебристой струей.

И я, небритый, с бутылкой,
Был рад, что держу транспарант,
Пока фотограф с ухмылкой
Был жалкому кадру рад.

А в общем—то, чем он — жалкий?
Ведь ветер, как в паруса
Дул, может быть, самые алые, —
В тот текст, что рабочих спасал.

А просто: «Объединяйтесь,
Всех стран — пролетарии!»
Газеты — предавшие — сняли его,
Но кто же читает их?

И я подошел, где юность
Украсила собой фонтан,
Не в бизнес, а в ДЕЛО сунуться,
Как под божеств фазтон.

* * *

Ивану Ахметьеву

Как тяжело писать статью!
Стишок я лучше напишу.
Ну что еще не отразил?
Что Ваня — любит магазин,
Сибирь не отрицает
И мат не порицает.
Ну, кто еще с моих знакомых
Имеет два иль три диплома?
Ахметьев в прошлом — физик
Конечно, диссидент,
Антисоветчик, шизик,
Но за границу — нет!
Не то что патриот он,
Скорее — демократ.
Но не такой, что во-время
Завод может украсть.
Стихи его не ценят
Ни власти, ни народ.
Бичам и офицерам —
Не люб его герой.
Да не герой он вовсе
Скорей — автопортрет.
А люди любят очень
В душе — авторитет.
И разве не Высоцкий
После Есенина —
Дал идеал совковый
Рабочим, добрым, нам?
А те, кто не такие, —
У них — другой табак.
И мы для них — плохие,
И гений наш — дурак.
А эти все Куняевы,
Не знавшие вершин, —

Их добровольно наняли
Судить на свой аршин.
У каждого есть строчки
Хорошие из них.
А в целом, стих — не очень.
Как удобренье — стих.
Бывает, что подонки
Напишет стих иной,
А человек, хоть добрый,
А стих — тяжелый, злой.
Но Ваня — исключенье,
Понять он может всё:
И — левое течение,
И — почвенный посев.
Чужды его симпатии,
Критиковать их — лень.
Но вдумчиво читать его
Полезно... через день.

ПОЭТУ МИХАИЛУ СТЕПАНЕНКО

*автору «Дяди Гоши», «Красного Проспекта», «Дома Офицеров»,
стихотворений «Электромираж в моих очках»,
«Всю ночь луна — переплывала Обь»,
«Когда делать нечего — выйду на Горбатый»,
«Я еще не забыл, как на выстреле полдень висит в Ленинграде»
и — других гениальных строчек.*

Снова занят я — Вечным Двигателем
Даже — другу не напишу.
Не хватает какого-то винтика,
Чтоб работал тихо, бесшумно.

А погода вокруг — плохая.
И в Москве, как в деревне я.
Скоро лето придет с лопухами
И посадят картошку друзья.

И посадит свой клочочек Танька...
Разлучила РАЗРУХА — нас.
И пора уж от станции к станции
Пробираться, покинув Парнас

Я теперь в душе — с Красным Знаменем, —
Как — невидимый партизан.
Вечным Двигателем только занят:
Навожу на колеса дизайн.

А ночью все ж — у буржуев...
Иль каких-то бывших дворян.
Коммунисты реальные — жулики,
Только — Гитлеру доверяю.

Но теорию их — нормально
«Лизоблюд» описал граф Толстой:
Это — баба, с виду нормальная,
Ну и — квантовый луч простой.

* * *

По Москве — сирень отцветает
И наверное — отцветет,
Пока я здесь буду болтаться
И вынюхивать на билет.

Я б поправился — заработал б,
Но — попался радикулит,
Как в районе тогда Мин-водов
И ходил а-ля птеродактиль.

А букет я б ценил — коровинский,
Или врубелевский, но вот что:
После горькой, по горькой иронии,
Под сиренью заснул я черт.

И не стало чемодана культуры,
Он — тяжелый, думали — золото.
И теперь — сижу при ноктюрне
Под сиренью с черным котом.

Да, ценил бы я букет коровинский,
Или — врубелевский на худой момент,
Но своих-то стихов, короче,
Чемодана с вилками — нет.

Чем смогу прокормить племянницу?
Своей глупостью иль — умом.
Продержалась бы она, пьяная,
Коль не хочет вступать в ОМОН.

Может также, захочет — в ООН,
Коль картины возьмет на себя,
Что писала мама в войну,
Хоть ценить не умела Сибирь.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Девятое Мая — началось 8-го,
Я счастлив был тогда, считал что скоро еду
В Сибирь, Новосибирск, лишь денег много
Мне на дорогу нужно было на поездку эту.
А жадная Москва мне денег не давала,
Высасывая интеллект годами,
По мелочам, конечно, выручала.
Но жулики есть жулики. Сейчас они
Солидны стали, видом постарели,
И я люблю — пить с ними, или — чай пить!
Чапаева привычка. Видать, он был — казак отличный,
И утонул, как богатырь Ермак...
Урал, ты знаменит не только изумрудом.
Хозяйка Медных Гор, — хватили ли ума —
Дно выложить, как в Мавзолеях нужно?
Простите, я — отвлекся, отберут машинку скоро,
Придется терпеливо фильм смотреть про Терпсихору,
Я — Онегин, что Дидло не терпит.
А — ученица, где ж она теперь?
Она — такие вещи — понимает!
Но именно она сейчас не знает,
Где — я? Что — я? Не предал ли ее?
Лишь этим ум мой занят.
Теперь, когда — Судьба, не звать другого слова,
Культуру потерял, лишь — жертва мига злого.
Но ведь вернули нам порталы Сталинграда!
Сам Сталин говорил, что нет — незаменимых...
Стихи восстановлю. А память — разминируем.
Уймишь чуть—чуть тоска по — Ученице!
Ты сам ведь — ученик и Гегеля и — Ницше,
Нет, Сталина ты ученик и — гуманизма:
Герберт Уэллс, Толстой... Нет, Буратино — выше
Идеологии. Допустим — я не знаю
Всё — довоенное. Как Сталинград — казаков,
Еще не бросившихся под фашизма танки.
А Грозный с'час — лишь Карфагена накипь...

А коротко — всё так: напильсь мы 8-го.
Я — формулы в гостях писал. Пришли две морды
И принесли, хорошие ребята, — принесли дешевой
Советской нашей, самой честной — водки.
Пришлось и мне в ответ им взять бутылку.
Но — разбежались... Я — в Загорск уехал,
Дивился там — полуночному морю,
Плясавшего вокруг Звезды, у самой Лавры-Церкви,
Языческому морю молодежи трезвой,
И шел в ночи без всякого трезвона.
И выпил я потом с пить бросившим соседом,
А утром встал и праздновал Победу
С миллионами, что шли от Беларусь-вокзала.

С миллионами, что шли от Беларусь-вокзала:
Варенников — нас вел до КГБ-анналов
Была вся Площадь — в золоте генералов,
И восхищенная толпа — молчала, наблюдала...

А рядом где-то шел «Парад Победы».
Быть может, правы и они. К анализу прибегну —
Когда-нибудь потом... А теперь лишь только факты:
Варенников был краток. Митинг вел, я сказал бы,

с тактом.

Сказал, что Истина — у нас. А там — лишь Инвалиды,
И то — не все... Лишь избранным там выдали,
И то — с орлами ордена. Смējались ветераны тут у нас!
Что хорошо еще — не свастика. Орел — хоть двуглавый,
Одна башка на Запад смотрит, а другая — в Церковь,
Такой диковине скучно в колхозе, в цехе...

Ампиллов, Умалатова здесь выступили так,
Как — каждый раз, а нужно бы — иначе:
Вооружаться — нужно, это факт,
Но и картошку посадить, и что-то свистнуть с дачи,
Коль «Новый русский» там живет,
Который — сыр, колбасы жрет,
Чему-то научить, коммуны как построить,
Чтобы народ поверил для начала — Троцкого...
А Макашев — был весел и его там я
Такой запомнил шуткой Пиночета:

Что — каждому из генералов — взять демократа на себя!
А Ельцин, что бы ни орал он, — пусть едет к матерям
бесящимся,

Чьи сыновья берут Кавказ
Дудаева сюда б сейчас,
А также — Павела Грачева,
Вместо президента и ничо бы
Дела б пошли. Все — улыбнулись.
Бомбардировщики — вернулись
И над Дзержинским дали круг,
Как бы над полухиросимой.
И — смолкла Площадь на секунду...
Но — бомб не бросили. Спасибо!
А авеню непобедимых,
Вся Горького — ала, ала!
И всюду — Сталина портреты...
Пошел я слушать оригинала —
Незаурядного поэта:
Таким считаю я — Гунько.
Он сам б, наверно, — удивился,
Но вижу время я вдали: забудут Бродских, или Приговых,
И — много всякой шушеры. Один останется — Высоцкий,
Но — как поэт из той поры, —
Которую отрицал он, собственно...
Гунько и «Нина», лучше бы — приняли «Завтра»
во внимание.
Но — зря антисемит ходил, с плакатом черным. К счастью —
мало их!
Там также друг мой новый был: теперь — афган, тогда —
дебил...
Он был немного удивлен, меня вокруг себя увидев.
И только с ним, сказав: — «Идем!», я, не хотев, решился
выпить.
Поскольку он — Войны Солдат, а этот День — был шибко
свят!

БОМЖ В ГАЛЕРЕЕ

(Картины Ольги Кулагиной и Ксении Шимановской)

Я случайно зашел на выставку,
И не то чтоб искал туалет.
Но ведь солнце, по шкуре слышу,
Будет очень нещадно греть.

Мне понравилось, что — бесплатно!
Я афишек даже набрал.
Поэтессу одну бездарную
Чуть талантливо переврал.

И давай, значит, — глазеть картинки,
Этот красочный металлолом:
Профессионально, конечно, противно...
Вдруг — как бабочка — махаон!

Там была — молодая дама, —
Полукукла и манекен.
И, хоть плечи ее туманны,
Так хохочет — цветов букет!

Ох, индюк, если хвост распушит!
Но тогда уже, может, — павлин!
Как желта бабочка-капустница
Над верандой, где — чай с вареньем!

Не до дачи мне этим летом.
Но я счастлив и по жаре, —
Потому что любовь моя первая
Выйдет замуж за друга, наверно!

Он — товарищ хороший. Прокормит.
И я тоже им — помогу:
Бросят пить они — пойду на пекарню.
Там в заборе есть щель для булок...

И еще была там художница, —
Как назвать этот стиль — колеризм?
Из мазков, на цветном же фоне,
Возникает — светская жизнь.

Эта живопись стала возможной,
Как с ума посходил Париж.
Но здесь - плюс: московские рожи!
И немного игрушечный ритм.

Вроде — Мавриной. Но — артисты,
Мир искусства, нео-волна.
Хорошо жить среди арфисток,
Хотя я их — не волновал.

Даже — песня есть у Окуджавы.
Но, конечно, — духом грубей.
Отпылала мои пожары
Лишь железо теперь ржавеет.

Может, буду колхозный слесарь,
Все равно — устрою музей
Направлений справа и слева
Одичавших моих друзей.

Заплутавших, в дворцах осевших,
Вознесенных, предавших люд.
Иль, напротив, уже успевших
На тот свет, в абсолютный лед...

Эти — ближе, мы с ними — пили.
Я туда им вина принесу,
Чтоб они нормальными были,
Слыша приговор, страшный суд.

Но крылатые те юристы
Дух Вольтера в нас — не убьют.
Да, Руссо не читал я Исповедь,
Но Фейхтвангер — упомянул.

Но — вернуться к московским харям,
Мне одна из них чем-то близка:
Тоже — ангел: в журналах — порхает,
Тоже — пишет о мотыльках.

Тоже также пойдет по полю
И гулять будет с ней гармонист.
Нет, Твардовский, с тобой — не спорю:
Пастернак — лишь поэт княжны.

Ох, как долго тянется ретро!
В современности чтобы привкус
То ли басен бабушки Лермонтова,
То ль князь-игоря с ханшей пари.

Ну, короче, — Татьяна с гирляндой
Под онегинской елкой сидит,
Где в барочную трубу горланит
Снежный дрозд над ухом серги.

Да, хорошая эта Татьяна!
Кто там Пушкина рисовал?
Добужинский — для бального танца,
Но таинственность здесь татар.

Я подумаю об Евразии,
Мне история только — фон.
И пока не наступят астры
Я покину парки Лефортово.

И возможно, в таежном хрусте,
Где по Свердлову бродит медведь,
Этот город, что немцы русским
Подарили, всплывет меж кедров.

Иль Грушницким мне на Кавказе?
Ничего не знаю пока.
И жара в эпоху бесквассовую
В тополином слове Москва.

ПРОХАНОВ И ЧЕХОВ

Посвящается библиотеке А.П.Чехова в Москве

Проханов и Чехов — что общего?
Ведь первый был — юморист.
Второй — пулеметную очередь
Любил и бомбовый свист.

Проханов, ты пишешь, как Гаршин!
А Ленька — сумел бы так¹?
Не догадался Шагал этому
И тот с печенкой дурак²

Имею в виду — Сальвадора.
Не Роза он, а — лопух!
А за еврея здорово
Художник коней — попух³.

Какая серьезная тема, —
Проханов и Чехонте!
Литературы тело
Раскрою, поев чеснока...

И — сало в уме нарисую,
Хоть Гитлер — любил турнепс.
На Украину — сунулся
Не любит варваров — Днепр...

Был Чехов на — Сахалине.
Проханов — познал Кабул.
И в Сокуровской мы малине⁴
С Любашей — раскроем табу...

¹ Леонид Андреев.

² С.Дали.

³ Художник Марк — погиб на фронте.

⁴ Сибирский Мон-Мартр.

Скажи, Любаша-красавица,
И — незабудки в глазах,
Едино ль героев пространство
И метр — имманентен ль гекзаметру?

Тот — слушал шум волн Сахалина.
Тот — ворк турманов Кабула.
Поэтому — строчки длинные, —
Не — готика Андрей-Белого.

Любаша — литературу
Знает, как Шатин-Бахтин.
Железной дороги ноктюрны,
Картошка, цыганский стиль...

Лимонов — по горизонтали
И тоже — казачий язык.
А Чехов — с Востока Дальнего
Привез длинных писем балык

И Раш¹, хоть — горизонтален, —
Не — в Гори к Шамилю уехал.
Они — к Толстому назад идут.
И — к Вельтману также Чехов

Но он — веселей Тургенева.
Наш Петька — еще веселей...
И не Достоевский, а Генри — О (о-!)
Неграмотных знал людей.

А Чехова — Куприн продолжает:
Назанский: Лаевский² — два:
Андреев — печорин безжалостный,
Не врущий, как По Эдгар.

¹ Писатель Карем Раш.

² Я не рискнул вместо Лаевского — поставить Грушницкого, его прототип.

И все же — бодрость О.Генри
Ноздрев взял, затем — Остап...
И чем-то скучен Онегин
Как — 20-томный Толстой.

Конечно, у всех есть проза.
И трудно сразу решить, —
По Гете ли утром хорошим
Грушницкий в пропасть летит.

Татьяна, Евгений Онегин,
Фон-Корен — рыцарь в быту, —
Единственный... больше — нету.
Нагульнов — немного — туп.

И есть у Толстого «Шмыга»¹
В — Гиперboloиде...
А остальные — ханыги,
Шатобриана индейцы!

Сейчас — не придет мне в голову
Литературный герой.
Корчагин Павка по логике —
Крайний на эту роль.

Войну забыл... Вася Теркин —
Алеша Попович — траншей!
И критик казацкий, матерый, —
Еще — прочертит Транссиб.

А те — идеалы бросили
И начали писать себя.
И только — один Высоцкий, —
Сумел дать общее «Я».

А остальные — обманщики:
Еременко, Галич, я...

¹ На самом деле — Шульга.

А Чехов — писал нормально.
Но — мир, не — прерыв в боях...

А все-таки мои товарищи!
Я — им себя посвящу.
Хотя они тоже — твари...
И я — не лучше ничуть

Но — буду в товарищей верить,
Недаром я — атеист!
Особенно — в тех, кто, наверное,
В аду, раю ли притих.

И весело будем с ними,
Как Пушкин-курилка учил, —
Что делать? Не — пить ли? Вот — именно!
Тритон когда мысли — журчит.

* * *

Хватит ныть о бывшем чемодане,
Когда люди так теряют жизнь.
И не думай о себе как Данте,
Раз теряешь вилки и ножи.

Ведь племянница — тебя же и зарежет,
Или — бросит вилку наугад.
Шел б за сеялкой и васильковой рожью,
Чем вздыхать все о колхозе, гад!

И стихи великие про Киев
Не узнает с дураков — никто!
Так — оставь Шевченко и Батыя,
Как ты русский оставлял платок.

В побирушку кинь, земляк, — науку,
Остальное в этом мире — дым,
Говорит так плотник мне под утро,
Что несет тайком — живой воды.

Ну и ё... эти сорок градусов,
Если праздник оказался в день.
А сирень мне сообщает радостно,
Что в сарае — двигатель гудел.

Вечный Двигатель! — пришлось его отладить:
Как племянницу без вилок я найду?
Кто теперь рубашку мне погладит,
Кто — вздохнет, как к Данту попаду?

Хватит ныть! Конечно — очень больно!
У обычных — дети и любовь...
И кому он нужен, твой альбом-то:
Вон на полках Пушкин и Ли Бо

Ученицу — больше не увидеть!
Дант, Петрарка, Пушкин, Эдгар По, —
О Сибири буду, как Овидий,
Среди скифов плакать здесь, в метро.

БЕРЕЗКА

И 70 лет эйфории
Хранит где-нибудь эфир.
Угостите ухой, дикари, меня —
Пойду сквозь кусты за терпким.

Быть может, Кавказ попадетсЯ,
Я вспомню открытку «Казбек».
Княжна — лакея найдет себе.
А здесь я влюблялся в — диету.

И ласково говорила уж.
Потом случайно меня,
За стенкой у них посадили.
И дачи зимой — немЫ.

Лесная ты Атлантида!
Опять, как в детстве Жюль-Верн.
К племяннице едет талант один,
С Москвы начинается разбег.

Отдайте Москву — музеям!
Политики — хватит здесь.
Политику — мужики делают,
Где — рыба, мошка и зверь.

КОММЕНТАРИИ

Цикл в составе 36 стихотворений был напечатан автором в апреле-июне 1995 года после неудачной поездки в Киев на перекладных электричках той же весной. В основном это стихи этого последнего года, в том числе и написанные после поездки, но есть и более ранние — написанные в Киеве в 1992-1994 годах, и еще более ранние — 80-х годов. Порядок стихотворений установлен автором в отдельном листе с оглавлением.

Танька, юристка, внучка, племянница, героиня моих романов, первая любовь, ученица — одно лицо.

Таня Смурова — другое лицо.

Юрий Алексеевич Шерстнев — композитор-дилетант.

Цыган, певец, Робинзон — Евгений Павлович Иорданский, друг и архивист Маковского, составитель сборника «Заблуждения». Живет в Сокуре.

Один ублюдок, пехотный моряк, Вий, один талант — одно московское лицо.

Нотная — Б. Никитская.

Один друг в Сибири, хороший товарищ — Михаил Степаненко.

Доллары из урны вылезали на рекламе МММ.

Два иль три диплома — преувеличение.

«Лизоблюд» Толстой — А.Н.

Художница — кажется, Натта Конышева.

Назанский — персонаж «Поединка».

Плотник — из мастерской, где Толик работал сторожем в то лето.

СОДЕРЖАНИЕ

«Обокрали меня, извините!..»	5
Товарищ Сталин	6
Из Володимира Гаптара	7
«Киев, Киев — город каштанов!..»	8
«Умерла моя бедная мама...»	9
На смерть Петра Степанова	10
Композитор Шерстнев	11
Капуста	12
Картошка	13
Сталин	14
«Я как Пушкин — смотрю телевизор...»	15
Лермонтов	16
Индонезия	17
Кострома	19
Киевский вокзал	20
Курский вокзал	21
Площадь трех вокзалов	22
Савеловский вокзал	24
«Когда мы вышли из поезда...»	25
«Спасай меня, Таня Смурова!..»	27
Крым	28
Владимиру Тучкову	29
Москва	30
Пасха	33
«На Охотном — схожу неохотно...»	34

«Не пьем мы дружною толпою...»	36
(Новые русские)	37
Первое мая 95 г.	39
«Как тяжело писать статью!..»	41
Поэту Михаилу Степаненко	43
«По Москве — сирень отцветает...»	44
День Победы	45
Бомж в галерее	48
Проханов и Чехов	51
«Хватит ныть о бывшем чемодане...»	55
Березка	57
<i>Комментарии</i>	58

В издательстве Владимира Орлова
под маркой «Культурный слой»
также вышли:

Юрий Смирнов

Слова на бумаге (стихотворения, записи, наброски)
М., 2004, 480 стр., илл., ISBN 5-98583-001-2

Евгений Кропивницкий

Избранное: 736 стихотворений + другие материалы
М., 2004, 672 стр., илл., ISBN 5-98583-002-0

Леонид Виноградов

Жалостные стихи

М., 2004, 48 стр., ISBN 5-98583-003-9

Евгений Хорват

Раскатанный слепок лица (стихи, проза, письма)

М., 2005, 496 стр., илл., ISBN 5-98583-004-7

Антология новейшей русской поэзии у Голубой

Лагуны, Том 1. Сост. К.Кузьминский, Г.Ковалев.

Изд. 2-е. М., 2006, 540 стр., илл., ISBN 5-98583-005-5

Маковский Анатолий Владимирович

Чемодан

Стихи из утраченного чемодана

Издатель В.Орлов

Редактор И.Ахметьев

Оформление О.Ахметьевой

Заказ 323. Тираж 300 экз.

Анатолий
Маковский

